

Л.Н. Гумилёв, Б.И. Кузнецов

Бон (Древняя тибетская религия)

Когда в середине VII века по приглашению тибетского владыки Сронцангампо в Тибет явились из Индии буддийские монахи, то они столкнулись там не с первобытным язычеством — почитанием сил природы, не с шаманизмом — практикой вызывания духов и даже не с культом мертвых предков, а с продуманной, теоретически отработанной религиозной системой, носившей название бон. Несмотря на активную поддержку центральной власти, буддистам пришлось выдержать тысячелетнюю борьбу, в результате которой им не удалось достигнуть полной победы. До сих пор в Тибете наряду с желтой верой — ламаизмом существует и учение бона, с той лишь разницей, что борьба между этими религиями больше не влечет за собой ни гекатомб из человеческих тел, ни потоков крови. Однако все это имело место в первые века проникновения буддизма в Тибет (VII–XI вв.).

В специальной работе нам удалось установить, что политические формы этой борьбы были связаны с соперничеством между монархом и аристократией, [\[4, с. 108–110\]](#) но это не исчерпывает проблемы. В самом деле, социальная борьба не всегда предполагает наличие разных идеологических систем. Так, например, во Франции члены «Лиги общественного блага» были такими же хорошими католиками, как и король Людовик XI, а греческие басилевсы, низложенные греческой аристократией полисов, почитали тех же олимпийских богов, что и их противники. В Тибете идеологическая борьба накладывалась на социальную, и это придавало историческим коллизиям небывалую остроту. [\[6\]](#) Для того чтобы привлечь на свою сторону те или иные слои тибетского народа, религиозная система должна отвечать принятым этнографическим представлениям и настолько резко отличаться от соперничающей системы, чтобы массы могли ощущать это различие непосредственно, без сложных теологических разъяснений.

В чем же было различие буддизма и бона? Если судить по сохранившимся до наших дней материалам, то мифологическая система в обеих этих религиях имеет много общих черт. Этика обща для всех теистических систем: рекомендуется делать добро, устраняться от зла, проповедовать истину и т. п. Иконография тибетского буддизма и бона почти неотличима, за исключением направления лучей свастики; кроме того, в процессе истории возникает новое учение бона (бегйур бон, то есть измененное бон), компромиссное по отношению к буддизму, и тантрический буддизм, в котором стирались внешние различия между доктриной великого спокойствия и обычаями ею завоеванной горной страны. Так все-таки почему же не возникло слияние этих религий, несмотря на то что оно устроило бы тех и других? Очевидно, наряду с чертами сходства имели место элементы различия настолько существенные, что именно они определили ход истории культуры Тибета. Наша задача в том, чтобы отыскать их и объяснить причины несовместимости обоих мировоззрений.

Начнем с известного, т. е. с буддизма. Буддизм, как известно, не является связью человека с богом, потому что он отрицает бога, а точнее — относится к этой проблеме с абсолютным равнодушием. Буддизм также и не средство спасения души, бессмертия которой он в общем-то не признает. Целью буддизма является спасение избранных, т. е. монахов, «ставших на путь», а мирянам, сочувствующим буддийской доктрине, за помощь и милостыню буддийской общине монахов предлагается «утешение» и возможность хорошего перерождения, с тем чтобы в одной из последующих жизней, спустя миллионы лет, стать монахом. Эта идея проходит красной нитью через всю сутру «Мудрец и дурак». [\[14\]](#)

Мы не будем входить в идеологические тонкости различных направлений буддизма, так как в интересующем нас этнографическом плане эта проблема не дает нам путей к решению основного вопроса. Для нас важно другое: что представляла собой община монахов, к чему она стремилась и чего добивалась? В Индии основу буддийской общины составляли не брамины, гордые своими знаниями, не раджи и воины, проливающие кровь, не крестьяне, привязанные к своим полям и семьям, не дикие охотники-ведды, ежеминутно ощущающие реальность окружающего их мира. И тем не менее буддийская община монахов существовала и росла. В системе многочисленных мелких индийских княжеств далеко не все молодые люди находили применение для своих способностей и энергии. Большинство мирилось с невозможностью сделать карьеру и добиться успеха в жизни. Но наиболее энергичные и честолюбивые персоны искали выход, хотя бы психологический, из безвыходного положения, в которое их поставила историческая судьба. В случае прямого восстания против установленного порядка их ждала немедленная гибель, и тогда они отвергали жизнь, обманувшую их, вставали на путь ее преодоления ради достижения вечного покоя — нирваны. Во имя пассивности они развивали бешеную активность, находя в этом выход для обуревавших их страстей. Девадатта, кузен Будды Шакьямуни, желая захватить власть над буддийской общиной, принял участие в государственном перевороте, так как надеялся на покровительство нового царя. [\[14, с. 314–315\]](#)

Но торжества буддисты достигли только при создании обширных централизованных государств. И Ашока (III в. до н. э.), и Канишка (II в. до н. э.), и Харша Вардана (VII в. н. э.), покоря обширные территории, неизбежно угнетали местное население и неизбежно восстанавливали его против себя. Однако правители нуждались не только в военной силе, но и в интеллигентных чиновниках, а вербовать последних из числа угнетенных было нецелесообразно. Вот тут-то и пригодилась им экстерриториальная буддийская община, в свою очередь использовавшая правителей в своих целях. А цель у буддистов была одна: перевести возможно большее количество людей в нирвану. Это означало, что лучшая часть общества должна была научиться пренебрегать мирскими заботами и исчезнуть из жизни без остатка. Действительно, исчезала наиболее искренняя, творческая, жертвенная часть общества, а оставался шлак и пепел, вследствие чего великие империи гибнут. [\[4\]](#)

Несколько иначе выступили буддисты в Китае. Во-первых, в Китае проповедники желтой веры столкнулись с даосами, проповедовавшими практически сходное учение. Во-вторых, горячими противниками буддистов выступили конфуцианцы, атеисты, ставившие своей целью укрепление земного государства и общества. Буддизм сумел закрепиться в Китае, хотя и не без труда. Но даже в эпоху Тан (VII–X вв.), в период наибольшего распространения буддизма и расцвета буддийской культуры в Китае, эта доктрина оставалась в основном модным заграничным учением, которое охватывало главным образом небольшой круг интеллигентов, эстетов-чиновников, уставших от бесконечных дворцовых интриг. Это учение оправдывало их бегство на лоно природы, где в уединении они писали утонченные стихи (как, например, Ван Вэй), ловили рыбу, сидя с удочками на берегу озер, и пьянствовали в кельях со своими друзьями, которые приезжали к ним на время полечить свои издерганные интригами нервы.

Несколько иное положение было в Тибете. Долгое время буддистам не удавалось заполучить в свою среду ни одного тибетского монаха. Вся община состояла из иностранцев: индийцев, китайцев, хотанцев, но благодаря поддержке монарха она удерживала ведущее положение. Для того чтобы обеспечить покровительство светской власти, буддисты создали учение о дхармапалах, хранителях веры, жертвующих своей душой ради торжества «Закона». Согласно буддийскому догмату, убийца ни при каких условиях не мог войти в нирвану, а убивать врагов буддизма было необходимо. И тогда была предложена концепция, согласно которой человек, жертвовавший своим будущим блаженством ради сегодняшней победы, достоин

поклонения и почитания наряду с совершеннейшими из людей — бодхисатвами. Следовательно, ему разрешалось в этой жизни и пролитие крови, и общение с женщинами, и роскошь, лишь бы он, охранив от врагов «Закон», дал возможность своим современникам беспрепятственно вступить на «Путь». Не исключалась возможность специального воплощения (аватара) доброго бодхисатвы в гневной ипостаси для борьбы с врагами веры. Так, например, весьма популярный быкоголовый Ямантака («Убивающий смерть») был воплощением бодхисатвы мудрости Манджушри, и его же воплощением был тибетский монарх Тисон Дэцан (VIII в. н. э.),^[7] которого никто не обвинял в мягкости. Но при всем этом надо помнить, что нигде и никогда буддисты не отступали от своего основного тезиса об иллюзорности видимого мира, хотя разные школы и расходились по этому вопросу в деталях. В аспекте этики это означало, что любовь к миру является самым большим препятствием для достижения цели — нирваны. Эта характерная особенность буддизма отличала его от теистических систем христианства, ислама и веданты. Не эта ли разница в таком кардинальном вопросе была причиной абсолютного несходства буддизма и бона, а тем самым одной из причин обострения кровопролитной социальной борьбы, которая в IX в. не позволила Тибету стать гегемоном Центральной Азии?

В настоящее время бон исповедуется в Сиккиме, отчасти в Бутане, в Западном Тибете, в китайских провинциях Сычуани и Юньнани южнокитайскими народностями мань, лоло, лису и др.

Материалы по бонской религии весьма скудны. Это, прежде всего, китайские сведения древние^[2] и новые,^[8] затем записки моравского миссионера А. Франке^[16] и дипломатического агента Ч. Белла^[11] и, наконец, подлинная бонская рукопись, доставленная Сарат Чандра Дасом и частично переведенная на немецкий язык Лауфером.^[20] Наиболее полные современные исследования по бону содержатся в работах Г. Гофмана^[19] и Р.А. Стейна.^[21] Сведения, которые даются по бону в европейских работах, противоречивы и туманны. Что же касается описания бона в тибетских источниках, составленных буддистами, то тут приходится считаться с возможностью заведомой фальсификации фактов.

Божество, почитаемое бонцами, согласно Ч. Беллу, носит название Кунтузанпо («кун ту бзанг по»), букв. «Всеблагодать». Но так как ничто не может, по мнению бонцев, появиться без отца и матери, то рядом с этим божеством существует богиня, выступающая то как нежная «Великая мать милосердия и любви», то как гневная «Славная царица трех миров», управляющая всем миром, включая Китай, Тибет, Шаншун и Ли. Ли — тибетское название Хотана.^[11, с. 15–77] Эта богиня почитается даже больше, чем ее муж, так как ее сила связана с землей, вследствие чего она в Западном Тибете называется «Земля-мать».^[16, с. 53]

Согласно бонской космологии, мир устроен из трех сфер: небесная область богов — белого цвета, земная область людей — красного цвета и нижний мир водяных духов — синего цвета. Мистическое дерево прорастает сквозь все три вселенные и является путем, по которому миры сносятся между собой.^[16, с. 53] По одной из бонских версий, в мире, в котором не было ни формы, ни реальности, появился чудесный человек между бытием и небытием, который стал называться «Сотворенный, владыка сущего». В мире тогда не было времен года, сами собой росли леса, но не было животных. Затем возникают свет белый и свет черный, после чего появляется черный человек, олицетворение зла, создатель раздоров и войн. Но появляется также и белый человек, окруженный светом, которого называют «Тот, кто любит все сущее». Он дает тепло солнцу, приказывает звездам, дает законы и т. п..^[21, с. 209]

Тибетцы знают много сортов демонов, весьма различающихся между собой.^[15, с. 636] Это лха, небожители, добрые духи белого цвета, большей частью мужчины. Они животворны, хотя бог войны Далха (Дгралха) яростен и силен, как величайший бес. Мелкие духи этого сорта

используются как защитники ламаизма. Описание белых духов у Уодделя совпадает с описанием верхнего мира у А. Франке, и, надо полагать, бонские боги относятся к числу белых духов. Землю населяют злые духи цан (бцан), мужчины красного цвета. Обычно это — мстящий дух жреца, недовольного своей смертью. Обитают они преимущественно в окрестностях храмов. Главные враги бонцев и ламаистов — демоны дуд (бдуд, мара), в большинстве мужчины черного цвета и очень злобные. Самые злые из них — де Сдре, или хладе (лха 'дре), мужчины и женщины. Прочие духи значительно уступают по силе и размаху вышеописанным. Перечисляются бесы звезд дон (гдон), пестрые, причиняющие болезни, демоны-людоеды синпо (срин по) и многие другие.

Основателем бонской религии, заложившим основы ее иерархии и культа, считается Шенраб-мибо из Ирана (по другой версии — из Шаншуна), жизнь которого датируется временем «до пришествия буддизма». Сохранилась легендарная биография Шенраба, из которой можно заключить, что он жил, имея учеников, и умер спокойно, оставив после себя исповедание с причудливо переплетенными элементами эзотеризма и прозелитизма. Согласно биографии Шенраба, учение началось с крещения учителя в святом озере (или море) при участии богов, людей и нагов.^[17, с. 104] Затем говорится о проповеди учения и обращении в него многих людей и, наконец, о том, как Шенраб, обратив дэвов и асуров, примирил их между собой. А. Франке приводит некоторые притчи, приписываемые Шенрабу, например: «Те, которые не способны понять поучения, подобны гороху, бросаемому на скалу», или: «Ты будешь желать лучшего другому, как ты хочешь добра для себя».^[17, с. 106] Перед смертью Шенраб предрек вечность своего учения и предсказал приход «доброго учителя».^[17, с. 108–109] А. Франке, приводя примеры такого рода, стремится доказать, что есть связь между бонмом и евангельским христианством.

В общем, европейский материал по бонской религии настолько скуден и противоречив, что не дает возможности не только делать какие-либо выводы, но даже строить гипотезы. Поэтому перейдем непосредственно к тибетским бонским источникам, и в первую очередь к краткому изложению наиболее важных и интересных мест сочинения «Зермиг».^[13] Это сочинение представляет собой биографию Шенраба, на которую мы уже ссылались выше.

Глава первая — «Предшественники Шенраба».^[13, с. 2–15] Первым предшественником Шенраба был в весьма отдаленные времена Тогйал Екхен («кто ргйал йе кхйен»). Этот учитель проповедовал учение живым существам, которых мучили пять ядов (гордыня, страх, гнев, зависть, темнота ума), которые могут подавить бонские боги — бог-жрец «Белый свет» (лха гшен 'од дкар) и другие. Он спас от круговорота бытия великое множество живых существ и избавил их от физических мук, из состояния страдания привел их в место покоя. Но на бесчисленное множество живых существ его проповедь не подействовала. Тогда он отправился в небесный дворец «Бирюзовый дом», что в области «Колеса великого света», к богу Елха, обладающему лампадой душ (йе лха семе кии сгрон ма чан), и рассказал свою биографию.

Их было три брата: чистый, светлый и мудрый. Они повсюду проповедовали Учение. Потом сам он принял тело человека и имя Тогйал Екхен и появился на земле. Проповедь была неудачной, и Тогйал Екхен спрашивает, почему же это так у него получилось. Бог Елха, отвечая ему, говорит, что люди — негодяи, мучимые пятью ядами, и спасти их даже он не в состоянии. Он советует учителю не отчаиваться и продолжать свою деятельность, так как за это он достигнет совершенного места (груб па' и гнас). Тогда учитель отправился к богу «Царь бытия» (срид па'и ргйал по йе му ргйуддкар по). Царь бытия успокаивает его и говорит, что в будущем все будет лучше. Учитель подумал: «Боги, жрецы и бытие (лха гшен срид) — эти трое будут находиться в едином учении... боги и бытие устали в круговороте бытия, и они выйдут из мира

страданий». [\[13, с. 13\]](#) Затем учитель сказал, что когда он выйдет из мира страданий, то после этого в среднюю калпу появится милосердный учитель, который всех избавит от страданий и круговорота бытия.

Глава вторая— «*О родителях Шенраба*». [\[13, с. 15–39\]](#) Милосердие богов уменьшилось, уменьшилось и милосердие бога Елха, обладающего лампадой душ. В то же время расширились и умножились страны мира. У истоков четырех великих рек в стране, что в западной части мира между горами и скалами, было государство Длинная долина Олмо ('ол мо лунг ринг). Там жили индийские люди (дзам бу линг ги), и было их четыре рода: великие, имеющие отношение к царскому роду, имеющие отношение к роду князей (рдже'у), могущественные, имеющие отношение к роду жрецов (брам зе), и низшие, имеющие отношение к роду землепашцев. В той чистой стране главным князем города Барпо Согйад (бар по со бргйад) был выбран некто по имени Мугйал Ланги Тхемпа (дму ргйал дан гйи тхем па) из династии Му (дму), из царского рода. Был он великим человеком, благородным, заботился о живых существах, как отец о детях. Его жена из страны Пхйа была таких же качеств, как и ее муж. Так как они заботились о людях, то у них весной в восьмой день полной луны родился принц. Когда ему исполнилось 13 лет, он взял себе в жены принцессу из города Ланлин (ланг линг).

Глава третья— «*О рождении Шенраба*». [\[13, с. 39–78\]](#) На небе было божество по имени «Чистое дитя бытия» (срид па'и кхйе'у гсал бы), который был милосерден и думал о благе живых существ. Он отправился на небо к богу-жрецу, к богу мудрости «Белый свет» за советом. Изложив свое дело, он сказал, что подготовил учение и хочет его проповедовать. Бог одобрил его начинание и посоветовал появиться на земле в наиболее подходящем облике человека: «Не ходи учить к богам... боги предаются наслаждениям, нет у них свободного времени, чтоб услышать учение бон, невозможное это дело. Не ходи учить к асурам, погрязли они в муках побед и поражений, нет у них времени слушать учение бон, невозможное это дело. Не ходи учить в страну животных. Они настолько глупы, что обезумели, покрыты мраком. Они жрут друг друга и поэтому дрожат от страха и убегают. Этими страданиями они охвачены, нет у них времени слушать учение бон... Не ходи к претам... не ходи учить в ад... а иди учить в страну людей, которые шести категорий (классов)... Там распространи учение бон...». [\[13, с. 41–43\]](#) Он выбрал себе страну, город и семью, в которой должен был родиться, и вошел чудесным образом в жену принца. Когда Шенраб родился, то в стране наступило ликование. Люди и разные божества делают подношения родителям и ребенку и совершают вокруг них круг почета.

Глава четвертая— «*О распространении учения Шенраба*». [\[13, с. 78–91\]](#) С неба появляются бонские бодхисатвы (гйунг друнг семе дла'), которые приходят к Шенрабу и просят его рассказать об учении. «В боне — ширина беспредельная, если силу (дбанг по) его действительно нести, то будет объяснено бон в ответах, словах и предсказаниях», — так ответил Шенраб. [\[13, с. 80\]](#) Бонские божества начинают с восторгом проповедовать его слова. Затем они опять обращаются к Шенрабу и просят сообщить суть учения. Он сообщает: «Вы, жрецы (гшеи по), которые спрашиваете, если обладаете умом средней силы, то объяснено бон [будет как] продолжение бытия (срид па ргйуд)». [\[13, с. 82\]](#) Опять боги приходят (среди богов Индра и Брама) и задают вопрос об учении. Шенраб отвечает: «Так как у меня, о Вы, спрашивающие, есть благословенная высокая сила, то Вам будет объяснено учение бон черных заклинаний». Боги это восприняли и повсюду, везде, по всей земле покорили злых духов (бдуд, мара), которые мешают. Когда учителю исполняется три года, то он совершает в море традиционное омовение. В

заклучение говорится, что он объяснил то, как обращаться (покорять) телом, словами и сердцем.

Глава пятая— «*О почитании божеств*». [\[13. с. 91–150\]](#) Учитель объяснял бон, но люди, будучи большими грешниками, хотя и слушали, но не обращались (в веру) и по-прежнему рождались в аду. По милосердию своему он обратился ко всем богам-жрецам (лха гшен) чтобы рассеять мрак кармы и вести живых и мертвых. Пять ядов жгут душу, но трудность обратить человека в том, что мешает этому демон (бдуд). Учитель проповедует людям страны Олмо: «Прилагайте усердие, обладайте законами, предавайтесь созерцанию, учитесь мудрости, совершайте молебствия, совершайте заклинания (тхабс сгруб), делайте подношения, проявляйте силу, обладайте знаниями! Избавляясь от пяти ядов, Вы избавляетесь от круговорота бытия». Далее воздается хвала богам-жрецам (лха гшен), бон и бонской свастике: «Бон — это бог (небожитель), рожденный из центра юндун (гйунг друнг — бонская свастика)... Бон — это жрец (гшен), рожденный из центра юндун (заклинание повторяется десятки раз)... Бон — это бог, рожденный из центра неба, бон — это жрец, рожденный из центра неба. Бон — это бог, рожденный из центра бытия, бон — это жрец, рожденный из центра бытия».

Глава шестая— «*О почитании трехсот лхамо (дэви)*». [\[13. с. 150–221\]](#) Учитель отправляется проповедовать на Восток. Он говорит следующее: для того чтобы рассеять мрак тела, слова и сердца, надо почитать триста «лхамо». Его спрашивают об их признаках, и он отвечает, что бывают «лхамо сферы Творящие благо, Осуществляющие суть, Совершенный блеск, небесные лхамо Бесконечного неба, Свет-сияет-бесконечно, Сто тысяч лучей света, Распространяющие лучи света, лхамо Ветра, Огня, Воды, Земли, Свет покоряющий багровых и черных демонов (бдуд), Хранительница солнца, обладающая светлыми лучами солнца, покоряющая демонов, Лучистая луна, покоряющая демонов-рыб, Красная стрела-молния, покоряющая демонов, приносящих вред (гнуд сбйин), лхамо Востока светлая лампада, Обладающая языками пламени полыхающего, лхамо Светлая лампада, лхамо Распространяющая светлый свет солнца» и много других. Люди страны Хосмо, где проповедовал учитель, очистились от всех грехов, а учитель вернулся к себе на родину в страну Олмо.

Глава седьмая— «*О женитьбе Шенраба*». [\[13. с. 221–236\]](#) Учитель взял себе жену из страны Хосмо, чтобы быть как все люди. Приглашают жреца (брам зе, брахмана), который, исследовав его жену, говорит, что у нее хорошие признаки. Воздается хвала этим хорошим признакам.

Глава восьмая— «*О детях Шенраба*». [\[13. с. 236–309\]](#) У Шенраба рождается сын. Появляются боги Индра и Брама и обмывают сына. Жрец, брахман исследует знаки на теле сына и находит их хорошими. Затем один из учеников спрашивает Шенраба о мире (земле), и тот отвечает: «Число материальных миров непрерывно из чистоты (из ясного) выходит. Частное (отдельное) — вот имя мира, оно есть название неизменного мира (Вселенной), трудно покорить его, и он действительно неизменный. Он единственный, опирающийся на основу эфира (ветра), равномерно возникая, равномерно (ровно) разрушается. Он состоит из континентов и больших континентов, из мрака и большого мрака, железных гор и больших железных гор, каждый маленький континент, их три тысячи, окружен маленькими железными горами...» и т. д.

Глава девятая— «*О почитании тысяч богов (дэвов), жрецов, бытия и лхамо (дэви)*». [\[13. с. 309–504\]](#) Воздается хвала всем богам, а также воздается хвала и учителю Шенрабу,

проповедующему на Западе. [\[13, с. 404–405\]](#)

Глава десятая — «*О том, как его (Шенраба) искушал демон (бдуд)*». [\[13, с. 504–560\]](#) Есть так называемое государство «Обладающее лучами света свастики (бонской) мрака». В центре черной армии мрака был демон по имени «Проникающие Длинные руки» (кхйаб па лаг ринг), который был очень недоволен. Все демоны обратили на это внимание и спрашивают его о причине плохого настроения. Он отвечает, что учитель Шенраб, проповедуя свое учение, отвращает людей от демонов, так что их страна может стать совсем пустой. Шенраб — великий лжец и обманщик. «Я тот, кто спорил за свет очень страдающий, за покоренные мной земли и страны. Я тот, кто ратовал за то, чтобы действительно сражаться. Я тот, кто горит огнем за то, чтобы действительно быть в злобе... Люди страдающие теперь нестрадающими становятся, люди спорящие теперь становятся неспорящими, люди сражающиеся теперь идут к миру и не сражаются, люди злобствующие теперь идут к миру, не злобствуют, люди, которые имеют сжигание огнем, теперь идут к несжиганию. Люди отвращаются от нас, и мало таких, которые осуществляют деятельность демонов. Немногие уходят от деятельности жрецов (гшен), немногие произносят грубые слова демонов... И мою эту темную страну делают светлой, несуществующей». [\[13, с. 506–509\]](#)

Демоны насылают на людей мор, эпидемии и т. п. Учитель прочитал заклинание и тем избавил всех от напастей демонов. Сообщается, что божеством-покровителем («йи дам») Шенраба было божество-жрец Белый свет. [\[13, с. 518\]](#) Далее, демоны под видом его отца, матери, брата и друзей появляются перед Шенрабом и пытаются искушать его, убеждают отказаться от своей деятельности. Учитель прочитают молитву, и все люди этой молитвой стали блаженными (умиротворенными), и этой молитвой он победил армии демонов, которые вошли в его окружение. Князь демонов в расстройстве и одиночестве бежал в свою страну. «Закатилось учение демона, а учение Шенраба распространяется». [\[13, с. 560\]](#)

Глава одиннадцатая — «*О том, как демон искушал окружение Шенраба*». [\[13, с. 563–652\]](#) Демон «Длинные руки» сидит в темном доме и переживает. К нему приходят демоны «мамо» и демоны «масин» («ма мо», «ма срин»). Они предлагают ему следующее: раз он не может победить учителя Шенраба, то стоит взяться за его учеников. Если окружение учителя будет побеждено, то наступит конец и бонскому учению.

Армия демонов отправляется в поход на страну Олмо. Но благословением чудесным милосердия учителя Шенраба между деревьями садов запылало пламя, и языками красного пламени была побеждена и отвращена эта армия. Демоны вторично собираются в поход, намереваясь разрушить город, в котором живет учитель. Но из города хлынул поток воды, и демоны были побеждены и отвращены. Снова демоны идут в поход, решив прикончить на этот раз его детей, жену, женщин, скот, учеников.

Учитель как раз в это время подвизался в раю. Его сын в этот самый момент в стране Олмо у подножия горы проповедовал верующим ученикам учение юндун-бон (свастика-бон) о непрерывности бытия («срид ргйуд», бытие-цепь). Сто мальчиков совершенных появилось, которые совершили вокруг него круг почета и воздали почести. Они сказали: «Мы уверовали в бон и пришли к тебе. Просим растолковать истинное бон — причины и результаты». О себе они сказали, что они дети драконов и деви. Он им ответил, что надо внимательно слушать: «Короткое тело, прижатые руки, встав на колени, сложить ладони, затаив дыхание и оцепенев — слушать!» Эти слуги демона ему говорят, что любовью не просветить живые существа, и просят рассказать про бон, которое полыхает, словно огонь гнева.

Сын Шенраба им говорит, что обладающие гневом рождаются в аду. Слуги демона просят рассказать про учение бон, которое кипит, словно поток страстей. Он им отвечает, что обладающие страстью люди рождаются в месте, где связаны души (сердца), а если они рождаются людьми, то бедняками, а по смерти попадают в то самое место. Слуги демона говорят: «Умных-то ведь немного, расскажи-ка про бон, что упорядочивает невежество». Он им отвечает, что невежды-кретины («гти-муг») рождаются в стране скотов. Если же рождаются людьми, то становятся идиотами-заиками, а потом рождаются в стране скотов. Демоны ему указывают на то, что много завистливых, рождающихся повсеместно, и просят рассказать про бон, которое появилось, как зависть. Возражая им, он говорит, что завистливые рождаются людьми в далеких (варварских) странах. А если в центре, то военачальниками армии, держащими шелковое знамя, а потом рождаются в диких странах. Демоны выдвигают новый довод: если мирно обращать живые существа, то таких будет немного, и просят рассказать про бон, которое бушует, словно ветер гордыни.

Сын Шенраба опровергает это следующим образом: обладающие гордыней, по его мнению, рождаются в странах асуров. Если они рождаются людьми, то они солдаты, держащие оружие. Демоны ему говорят, что немногие придерживаются правильных поучений, а держащихся еретических — много. Он им отвечает, что держащиеся еретических поучений рождаются долгоживущими дэвами. А если рождаются людьми, то бывают недобродетельными нищими. А потом, накопив причины кармы, рождаются долгоживущими дэвами. Демоны ему сказали: «Все-то ты врешь!» — и исчезли в небе.

Тогда демоны решили взяться за женщин и одержать победу на этом поприще. Они явились к женам и дочерям учителя и стали их искушать, говоря о сладости сексуальных отношений и порицая учителя Шенраба, который осуждал сладострастие. Одна из дочерей Шенраба не устояла от искушения и отдалась демону «Длинные руки». У нее со временем родилось два демоненка, а она сама превратилась в ведьму и оказалась в стране демонов. Ее детишки-демонята однажды так искусали свою маму, откусив ей груди, что она была близка к смерти. Учитель, будучи милосердным, сказал, что ее можно спасти, если она вернется и совершит омовение в озере. Ее убедили вернуться, и она отправилась к себе домой, приняв прежний облик красивой женщины. Демонята тоже были спасены и стали людьми. Посрамленные демоны становятся восторженными адорантами учителя Шенраба.

В заключительных главах излагается, как демон изводил животных (лошадей) учителя и опустошал его земли, а также говорится о решении учителя выйти из мира страданий. Он решил уйти, так как выполнил свою миссию на земле. Когда он умирает, то тело его сжигают: «Тело умершего Шенраба распалось, и благодаря тому, что душа очистилась сожжением, юндун-бон (свастика-бон) заставляет учение полыхать и сиять, как огонь». [\[13, с. 1068\]](#) «Появляющееся сжигается огнем... муки духовные, собранные в сердце, сжигаются огнем мудрости». [\[13, с. 1076\]](#)

Другие имеющиеся в нашем распоряжении бонские священные книги мало что прибавляют к изложенному выше, поэтому на них мы здесь останавливаться не будем. В дополнение приведем описание бонских священнодействий из китайских источников.

Бонские священнодействия описаны в китайских хрониках. [\[2\]](#) В них говорится, что каждый год на царском кладбище среди специально посаженных деревьев собираются царь и сановники для произнесения малой клятвы. Жертвенным животным — баранам собакам и обезьянам — ломают ноги, потрошат (живьем) и разрубают на куски, а жрец произносит перед духами неба и земли, гор, рек, солнца, луны и звезд следующую молитву: «Кто изменится в мыслях и будет питать злоумышление и непостоянство, да истребят тех духи, как сих скотов». [\[2, с. 235\]](#)

Далее в хрониках сообщается, что раз в три года совершается великая клятва. Ночью на жертвенник ставят разные яства и закалывают лошадей, рогатый скот и ослов. В заклинании

говорят: «Надлежит вам единодушно и всеми силами охранять мой дом. Духи неба и земли ведают вашими помышлениями. Кто изменит сей клятве, да будет тот изрублен, подобно жертвенным животным».

[2, с. 235]

В рассказе о посольстве Лю Юаньдина в Лхасу в 822 году дано описание ритуала клятвы при заключении мирного договора: «Жрецы с птичьим убором на голове и тигровым поясом били в литавры... Клятвенный жертвенник в поперечнике имел десять шагов, в вышину — два фута». При чтении клятвы присутствующие «помазывали уста кровью».

[2, с. 220–221]

Итак, мы получили возможно более полное описание бонской веры и бонской церкви в плане этнографическом и историко-культурном. Но тем не менее мы не ответили на основной вопрос: какого бога почитали и с каким злом боролись ревнители религии бон?

Из приведенных текстов можно извлечь несколько сведений, опорных пунктов для дальнейших исследований:

1. Родина Шенраба, Длинная долина Олмо, согласно источнику, находилась на континенте Джамбудвипа (тиб. дзам бу глинг — древнее название Индии, а впоследствии и прилегающих к ней стран). Во главе страны Олмо стояли не брамины, а воины-кшатрии. К какому бы времени ни относились сведения изучаемого нами текста, но каста кшатриев никогда не была связана с дравидскими, и поэтому указание на господство «чистых» следует рассматривать как намек на арийское происхождение племени, из которого вышел Шенраб.

2. Соответственно этому из индийских мифологических реминисценций в тексте выступают только чисто арийские божества Брама и Индра, а дравидские Шива и Вишну даже не упомянуты. Эти два обстоятельства позволяют сосредоточить поиски аналогий среди древних арийских культов.

3. Указано, что Шенраб — эманация света, [3, с. 881] а его божество-покровитель — бог-жрец «Белый свет», и это позволяет отграничить бонскую доктрину от древнеарийского политеизма и зороастризма, так как ни в том, ни в другом специальное почитание света в догматику не введено. Известно, что в древнем Тибете в добуддийские времена тибетцы хоронили умерших в земле. [21, с. 168] Труп Шенраба был сожжен, и это одно указывает на разницу между бон и зороастризмом, ибо в последнем трупы выкладывались на башню молчания, дабы не оскорблять священного огня и земли соприкосновением с нечистым телом.

Отметив эти этнографические особенности, попробуем перенести проблему в иную плоскость и подыскать ответ на два вопроса: в какого бога верили бонцы и что являлось у них злом? Несмотря на то, что большинство религий трактует нравственные проблемы довольно сходно, сочетание элементов в каждой из них индивидуально и неповторимо, и самым главным из них является учение о природе добра и зла. Несмотря на то, что практическая этика в теологических системах различается в очень редких случаях и мало, метафизически восприятие доброго и злого, а не полезного и вредного совпадает очень редко, и то лишь в тех случаях, когда одна религия происходит от другой. Демоны, враждебные Шенрабу, именуются мара, то есть обман, ложь, зло. Это указание позволяет сразу же отбросить поиски аналогий в древнеарийской религии, где зла как самостоятельной силы вообще не было, и в каноническом зороастризме, в котором Ариман выступает как равноценный соперник Ормузда. Только в христианстве дьявол назван отцом лжи, но бон гораздо древнее апостольской проповеди, и это совпадение надо признать случайным. В источниках постоянно отмечается, что бонская религия требует от последователей активной проповеди и борьбы за правду, а никак не стремления к покою, свойственного буддийской доктрине.

Центральные бонские божества трактуются как Царь бытия, Белый свет, Чистое дитя бытия, Бог, рожденный из центра неба и т. д. Это значит, что тут мы имеем не поклонение какой-либо

из сил природы, а космосу в целом. Вот важное наблюдение, которое приближает нас к цели. Бону чужда идея аскезы, почитаются наряду с мужскими женские божества, и даже верховный бог Санпо (сангс по) имеет свою женскую ипостась — Мать бытия Чучам (чху лчам).^[23. с. 8]

И наконец, текст сообщает, что учитель Шенраб проповедовал не только на востоке, но и на западе. В том же произведении «Зермиг» есть еще одно важное место, а именно: в качестве одного из переводчиков и комментаторов бонских книг наряду с индийскими и китайскими учеными назван «Мудрейший в Риме Хризостоматор» (кхром ла мкхас па гсер тхоге лче 'бйамс).^[13. с. 1123] Значит, следуя текстам, мы должны искать описанную систему также и к западу от Памира, в Иране и Средиземноморском бассейне в первые пятьдесят лет до нашей эры и в первые века нашей эры. Поскольку история религии античного мира изучена достаточно полно, можно сказать достаточно уверенно, что только один культ отвечает всем условиям — это культ Митры, древнеарийского божества космоса, покровителя воинов, борца против лжи и обмана.

Культ Митры пережил длинную эволюцию. На заре истории Митра выступает в первобытной ведийской религии как сын Адитьи (Природы или Бытия) и брат Варуны, эллинским аналогом которого был Уран. Вначале Митра и Варуна почитались вместе,^[1. с. 25] но затем их судьбы разошлись. Уран пал жертвой Сатурна (Времени), а Митра остался в иранской мифологии и даже теологии как божество, хранящее клятвы и наказывающее лжецов. В десятом яште «Авесты» есть много гимнов, посвященных Митре. Приведем только один, но характерный текст. Ахурамазда обратился к Спитама-Заратушре, говоря: «Поистине, когда я сотворил Митру, владыку обширных пастбищ, о Спитама, я сотворил его столь же достойным жертвоприношений и молитв, как и я сам, Ахурамазда. Злодей, который солжет Митре (или нарушит договор), навлечет смерть на всю страну, причинит миру такое же зло, как сто грешников. О Спитама, не нарушай договора ни с верующими, ни с неверующими, так как Митра и для верных, и для неверных».^[1. с. 279] Древний Митра, гений небесного света, почитался наравне с Ахурамаздой, и Дарий Гистасп отвел одинаково почтенные места эмблемам Ормузда и Митры на стенах своей усыпальницы (486 г. до н. э.).^[1. с. 293]

Иногда Митра считается божеством, совмещающим мужской и женский пол. На некоторых митраистских памятниках встречаются символы бога и богини. На многих барельефах Митра закалывает быка или барана, что указывает на связь культа с жертвоприношениями, но главные культовые действия совершались тайно. Ксеркс специальным указом запретил почитание дэвов в своей империи, но Митра и Анахита были исключены из числа гонимых богов и упомянуты в надписи Артаксеркса как союзники Ахурамазды.^[12. с. 8–9] Однако культ Митры в Иране был вытеснен почитанием Амеша Спента, и впоследствии Митра выступает как самостоятельное божество, находящееся посередине между Ормуздом и Ариманом.^[12. с. 4–6] Значение культа Митры в Иране заметно снизилось, а расхождения его с зороастризмом обострились. Зато в Малой Азии культ Митры расцвел. Ему поклонялся Митридат, его чтили киликийские пираты, у которых культ Митры заимствовали римские солдаты, некоторые императоры, например Аврелиан, Диоклетиан, Юлиан Отступник,^[9. с. 47–48] а в Иране — полководец Бахрам Чубин.^[10. с. 39]

Западный митраизм — поклонение «Непобедимому солнцу» — не выдержал соперничества с христианством и исламом и бесследно исчез. Зато на востоке он сохранился у эфталитов, где поборником его выступил царь Михиракула, борец против буддизма.^[18. с. 120–123] Царство эфталитов в начале VI в. включало в себя Дардистан в Западном Тибете,^[3. с. 135] так что культурное общение между эфталитами и страной Шаншун было легким и даже неизбежным.

Согласно основному тезису митраизма, Небо вместе со своей супругой Землей правит

всеми другими богами, порожденными основным двуединым божеством. [\[12, с. 110–111\]](#) Не этот ли культ мы находим у тибетцев и монголов до принятия ими буддизма? Далее, Земля-производительница, terra Mater, оплодотворенная водой, занимает важное место и в ритуалах, и в учении митраизма, [\[12, с. 116–117\]](#) а у бонцев один из основных ритуалов — поливание земли водой: «Дым благовоний присоединяется к облакам. В чистую красивую чашку наливается чистая вода, и держат (ее) в правой (стороне или руке). Поливают маленькую зеленую травку и держат (чашку) в левой (руке), кладут (потом) в драгоценный чистый сосуд». [\[13, с. 831\]](#) В митраизме четыре основных ветра вместе с четырьмя временами года обожествляются как гении природных сил, [\[12, с. 117\]](#) и точно такая же концепция имеется в учении бон. И самое главное, с Ормуздом Митра в мире, а иногда и в дружбе, но Ариман ему враг. [\[12, с. 112\]](#) Название злого духа на шаншунском языке Эр, т. е. первый слог имени Ариман. [\[13, с. 504\]](#) Митра — божество света, согласно «Авесте», на медальоне из Киликии изображен в виде молодого мужчины с короной на голове и кинжалом в правой руке, который он приготовился вонзить в горло жертвенному быку. На нем набедренная повязка, напоминающая короткую юбку со складками, тело выше пояса обнажено. Корона представляет собой узкий небольшой обруч по размеру головы, увенчанный острыми зубцами. Эту корону, символ сияющего света, Митра получил от солнца, над которым он одержал победу. Лезвие кинжала короткое и широкое, рукоятка заканчивается несколькими, одно над другим, шарообразными утолщениями. [\[12, с. 28\]](#) В боне аналогом Митры является божество «Белый свет», причем его называют не просто божеством («лха»), а божеством-жрецом («лха-гшен»). Слово «жрец» («гшен») у бонцев имело вполне конкретное значение: в древнем Тибете именно это лицо вонзало кинжал в горло жертвенному животному при совершении религиозных ритуалов. [\[22 с.102–104\]](#)

Основатель бона учитель Шенраб считается эманацией света, причем его божеством-покровителем был «Белый свет». Шенраб — не имя, а прозвище — «совершеннейший жрец», его родовое имя было, как уже выше говорилось, Дму (по другим источникам — Дмура). Обожествление отдельных лиц имело место также и в западном митраизме. Известно, что царю Трдату Армянскому поклонялись, как эманации Митры, а император Нерон даже собирался лично принять участие в церемонии воздавания почестей этому царю, как божеству. [\[12, с. 85–861\]](#)

Теперь обратимся к современным тибетским изображениям Шенраба и сравним их с изображениями Митры из Малой Азии. На тибетских цветных рисунках мы видим Шенраба сидящим на троне, на нем короткая набедренная повязка, тело выше пояса обнажено. На голове корона, точно такая же, как и у Митры, а в правой руке Шенраба — золотой кинжал с широким и коротким лезвием и с уже знакомой нам рукояткой. Кинжал Шенраба отличается от кинжала Митры только большей длиной рукоятки, которая вытянута настолько, что весь этот клинок выглядит скорее скипетром, чем орудием убийства. [\[19, с. 213\]](#) Изменение формы бонского кинжала объясняется, по нашему мнению, тем, что бонцы давно уже отказались под влиянием буддизма от кровавых ритуалов, которые в настоящее время уже не существуют. К этому следует еще добавить, что митраистский кинжал был введен в реквизит тибетских лам-тантристов, вероятнее всего, в VIII в. Падмасамбхавой для подавления злых духов и существует до сих пор, сохраняя свою древнейшую форму.

Но не только культовые детали и не столько они определяют близость учений митраизма и бона. Восточный митраизм, сохранивший архаичные черты, не сделался, подобно западному, религией победы или военного успеха, а остался учением борьбы за правду и верность. Он не превратился в «Непобедимое солнце», а сохранил свою космическую природу, где солнце было только «глаз Митры», а сам он — божество-жрец «Белый свет». Врагом восточного Митры, как и бонского «Белого света», были ложь, обман и предательство, причем пол последним

понималось злоупотребление доверием. Именно эта догматическая и одновременно психологическая черта роднит митраизм с религией бон и ответвлениями бона у древних монголов.^[5]

И наконец, последний вопрос: почему митраизм так не ладил с буддизмом, хотя довольно спокойно позволил поглотить себя христианству и исламу? Общее в буддизме и боне (митраизме) — указание верующим делать добрые дела и стремиться к самоусовершенствованию, но понимание добра и цели, ради которой следует совершенствоваться, диаметрально противоположно. Буддисты считают добром либо «неделание», либо пропаганду своего учения, которое в конечном счете ведет к тому же «неделанию» ради полного исчезновения из жизни. Митраисты, наоборот, предписывают борьбу за правду и справедливость, т. е. военные подвиги, а во время войны отшельники рассматриваются ими как дезертиры. С точки зрения буддиста, мир — обитель мучений, из которой надо бежать; прекращение процесса восстановления жизни, т. е. безбрачие, — обязательное условие спасения. В митраизме Митра — «хозяин обширных полей», которым он дает плодородие. Он дает прирост поголовью стад, он также дает тем, кто честен, здоровье, изобилие и богатство. Он — тот, кто раздает не только материальные, но и духовные блага.^[12. с. 4] Короче говоря, митраизм — жизнеутверждающая система. Но если так, то проповедь борьбы с жизнью, утверждение, что прекрасный мир, окружающий нас, — майя (иллюзия), что полное безделье — самое подходящее занятие для талантливого человека и что лучшее средство для торжества добра — это непротивление злу, — все это представлялось митраистам-бонцам чудовищной ложью, а с ложью надо было бороться, так предписывал их закон. Вот почему буддизм встретил такое яростное сопротивление в Тибете и Монголии и победил, да и то не полностью, только тогда, когда внутренние войны унесли в бездну самую деятельную часть населения, а у оставшихся уже не было ни сил, ни желания противостоять новому учению, которое сулило мир и призывало выйти из этого жестокого мира страданий. Тогда в Азии и восторжествовала желтая вера.

Уже после того как наша статья была закончена, нам удалось расшифровать древнюю тибетскую географическую карту, которая была опубликована в Тибетско-шаншунском словаре.^[23] Выяснилось благодаря этой карте, что страна Олмо — это не что иное, как Элам, под которым имеется в виду Иран времен Ахеменидов, город, в котором родился Шенраб, — Пасаргады. Удалось также установить, что начало возникновения бонского учения относится ко времени завоевания персами Мидии и Вавилона (эти эпизоды есть в тибетских источниках), т. е. ко времени Кира II. Согласно тибетским источникам, которые корректируются древними иранскими, бонское учение в Иране было почти полностью уничтожено Ксерксом (V в. до н. э.), которого тибетцы называют Кхриши, а также Шрихарша (др. — перс. Хшарша). Удалось также разобрать одно темное место из биографии Шенраба, в которой, как мы теперь понимаем, говорится о том, что это сочинение было первоначально составлено в Эламе, где оно и было записано финикийскими буквами.^[13. с. 1167]

Беттани и Дуглас. Великие религии Востока. М., 1899.

Иакинф (Н.Я. Бичурин). История Тибета и Хухунора. Т. 1. СПб., 1833.

Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV веке //Вестник древней истории, N 1, 1959.

Гумилев Л.Н. Легенда и действительность Древнего Тибета //Вестник истории мировой культуры, N 3.1960.

Гумилев Л.Н. Древнемонгольская религия // Докл. географического общества СССР. Вып. 5, Л., 1968.

Гумилев Л.Н. Величие и падение Древнего Тибета //Страны и народы Востока. Вып. VIII, 1969.

Гумилев Л.Н., Кузнецов Б.И. Опыт разбора тибетского пиктографического письма. Сборник статей по семиотике.

Ивановский А.О. Материалы для истории инородцев Юго-Западного Китая. СПб., 1887.

Николаев Ю. В поисках за божеством. Очерки по истории гностицизма. СПб., 1913.

Себеос. История императора Ираклия, пер. К. Патканова. СПб., 1862.

Bell Ch. The Religion of Tibet, Oxford, 1931.

Cumont F. Les misteresde Mithra, Bruxelles, 1913.

'Dus-parin-po-che'irgyund gzer-mig, Delhi, 1965.

'Dzangs bilin oder der Weise und der Thor, aus dem tibetischen übersetzt... von I.J. Schmidt, Th. I, SPb., 1843.

Encyclopaedie of Religions and Ethics, vol. IV, Chicago, 1915.

Francke A.H. A History of Western Tibet, L, 1907.

Francke A.H. Das Christentum und die tibetische Bon-Religion //Deutsche Forchung, Heft 5, B. 1928.

Ghirschman R.M. Les Chionites-Hephthalites, Caire, 1948.

Hoffmann H. Quellen zur Geschichte der tibetischen Bon-Religion, Mainz-Wesbaden, 1950.

Laufer B. Über ein tibetisches Geschichtswerk der Bonpo //T'oung Pao. Ser. II, 1901, vol. II.

Stein R.A. La civilisation tibétaine, P., 1962.

Thomas F.W. Tibetan Literary Texts and Documents concerning Chinese Turkestan. Pt. III, L, 1955.

Tibetan-Zang-zung Dictionary, Delhi, 1967.